

Владимир Буторин

Текст Ольги Поповой

Бишкек 2000

Vladimir Butorin

Text by Olga Popova

Bishkek 2000

AREOPAG

Bitel, Areopag-Bishkek, Kumtor Operating Company - имеют честь представить альбом Владимира Буторина.

Владимир Георгиевич Буторин родился в Воронежской области России летом 1937 года. В начале Великой Отечественной войны вместе с матерью Прасковьей Никитичной Махниной был эвакуирован в Киргизию, с которой связана вся его сознательная жизнь.

В формировании его личности основную роль сыграла его мать, которая, несмотря на трудности послевоенных лет, да и позднее сделала все от нее зависящее, чтобы Буторин смог стать художником - иной судьбы он себе не мыслил. С раннего детства Прасковья Никитична до конца своих дней была ближайшим другом своего сына глубоко понимая его духовные потребности и поддерживая его душевное равновесие в кризисные моменты жизни, которые никому не удастся избежать.

В 15 лет он поступил работать на завод архитектурных деталей. Работая, окончил седьмой класс вечерней школы и в 1953 году поступил во Фрунзенское художественное училище, где за все время учебы решающее влияние оказал на него педагог и живописец Федор Михайлович Стукошин.

После училища в 1958 году поступил в институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина Академии художеств СССР, который и окончил по мастерской монументальной живописи А.А. Мыльников.

Учась в институте, Буторин, при всей своей яркой одаренности, был студентом с трудным характером и соответствующим поведением, что приводило к конфликтам с администрацией, нетерпимо относившейся к студентам, нарушающим нормы «социалистической морали». Несколько раз ставился вопрос об его отчислении из института, и каждый раз на его защиту вставали люди, высоко ценившие талант Буторина и его рано развившийся профессионализм: декан факультета Деблер Александр Адольфович, ответственный секретарь факультета

AREOPAG

Bitel, Areopag-Bishkek, Kumtor Operating Company - are pleased to present the album of Vladimir Butorin.

Butorin, Vladimir Georgievich was born in summer of 1937. At the beginning of the World War II he and his mother, Praskovya Nikitichna Makhnina, were evacuated to Kirghizia.

His mother played the main role in formation of his personality. Despite of difficulties of the post war or later periods she did everything she could to help him to become an artist. Since his early childhood he couldn't imagine another destiny. Praskovya Nikitichna was the closest friend of her son up to the end of her days understanding his spiritual needs and supporting his mental equilibrium in critical moments of his life.

At the age of 15 he went to work at an architectural components plant. While he was working he finished the 7th grade of the night school. In 1953 he entered the Frunze Art College where he met a teacher and painter Stukoshin, Fedor Mihailovich who profoundly influenced him.

After finishing college in 1958 he entered the Repin Institute of Paintings, Sculpture and Architecture under the USSR Academy of Arts, which he graduated from the Mylnikov's studio of Instantaneous Painting. When he was studying at the institute, he was known as a unmanageable student which caused conflicts with the administration the latter being intolerant to any violation of the norms of social morality, though he was a bright, brilliant young man with a strong character. Several times he was under the threat of dismissal but was protected by the people who highly valued his talent and early professionalism such as Alexander Adolfovich Debler, the dean of the faculty, Kira Konstantinovna Sazanova, the executive secretary of the department and Butorin's teacher Andrei Andreevich Mylnikov. After graduation from the institute he returned to Kirghizia, where he found himself in a favourable creative atmosphere where he could work independently, but with slender means provided by the government for the development of fine arts.

Also, it is necessary to note the atmosphere where Butorin has been working

Кира Константиновна Сазонова и его педагог Андрей Андреевич Мыльников.

В Киргизии, куда он вернулся после института, он попал в благоприятную творческую атмосферу и смог работать свободно, с учетом, разумеется, скудных средств, выделяемых государством на развитие изобразительного искусства.

Очевидно, следует отметить роль художественной среды, в которой работает в течение более тридцати лет. Его коллеги, сами отличающиеся яркой индивидуальностью, все без исключения отмечают его талант и особое место в киргизской живописной школе.

Мир искусства Владимира Буторина сложен, как всякое талантливое явление. Его реалистическая живопись несет в себе психологическую тайну, скрытую, казалось бы, ясной художественной формой.

Художник-профессионал в классическом понимании профессионализма, Буторин свободно владеет живописной культурой и реалистическим рисунком, конструктивность которого ощущается в каждом живописном полотне и в рисунках как самостоятельном виде творчества, когда рисунок является единственным средством изображения и выразительности. Он выверенно строит композиции, располагая массы по формату полотна в строгом равновесии и в зависимости от образной задачи.

Колорит его картин и живописная фактура, обладая эстетической самоценностью, не только соответствует конкретному мотиву передачей реального состояния, но и связаны с темой психологическим дополнением, выявляя творческий импульс художника, сотворившего на полотне микрокосм и вдохнувшего в него душу для самостоятельного бытия в своем временном ритме и пространственных координатах.

Реализм Буторина - не реализм зеркального отражения, а жизнь, преображенная игрой живописной фантазии и одухотворенная каждой формообразующей частицей.

Тревожное провидческое чувство сопровождает почти все его тематические сочинения и ряд портретных работ.

Наиболее ясными и уравновешенными по настроению и состоянию являются его пейзажи, в которых и мотивы природы и живописная импровизация носят медитационный характер. В пейзажах художник входит в мир природы, растворяясь в ней, сохраняя при этом и даже обостряя зоркость видения каждой детали и природной целостности. Он входит в животворную одухотворенность природы как умное и

for 30 years. His colleagues, who were bright and creative, recognised his talent and his special place in the Kyrghyz school of painting.

Vladimir Butorin's world of art is very complicated, as any phenomenon of a talent. His realistic paintings contain a psychological secret which seems to be hidden in the clear form of art.

As a professional artist, in the classic meaning of the word "professionalism", Butorin has a good command of art culture and realistic drawing. Designability is felt in each pictorial canvas and drawings as an independent type of creativity, where drawing is the only mean of portrayal and expressiveness.

He accurately builds up his compositions, placing mass throughout the canvas format with the strict balance and depending on image bearing task.

His picture colours and pictorial texture that have aesthetic value not only correspond to a certain motif by conveying a real state but are also connected with the theme via psychological supplement, revealing the creative impulse of the artist, who has created a microcosm on the canvas and inspired it with soul so that it could exist in its own time rhythm and spatial co-ordinates.

Realism of Butorin is not realism of mirror reflection, but it is life that was transformed by the play of pictorial fantasy and inspired by every form creating components.

Almost all his thematic compositions and several portraits are accompanied by the disturbing prophet's feeling.

His landscapes, where nature's motifs and painting improvisation contain features of meditation are clearly expressed and balanced by mood and state. In the landscapes the artist enters the world of nature dissolving in it, keeping and sharpening vigilance of vision of each detail and integrity of nature. He enters the life-giving nature spirituality as a smart and sensitive creature lit up by the existing feedback awareness.

In his landscape works there are sketches taken in nature and landscapes that were created under strong impression and memory in the studio.

He closely observes the nature's forms, the character of its plastic and colour harmony perceiving it and being able to convey its internal structure, complex interaction of atmosphere and earth solid forms with its biosphere as a strong conformity with natural laws conditioned by unrevealed secrets of the universe.

External beauty of nature professionally depicted on the canvas, being an independent type of the creativity of some artists, does not satisfy Butorin with a relative simplicity of the creative process. His subjective feelings from contact with nature are not limited by contemplating forms, state and real

чувствующее ее собственное создание, озаренное сознанием существующей обратной связи.

В его пейзажном творчестве есть этюды, полностью написанные на натуре, и пейзажи, написанные в мастерской по сильному впечатлению и памяти.

Он вглядывается в природные формы, в характер ее пластической и цветовой гармонии, воспринимая и умея передавать на полотне ее внутреннюю структуру, сложное взаимодействие атмосферы и земной тверди с ее биосферой как строгую закономерность, обусловленную нераскрытыми тайнами мироздания.

Внешняя красота природного мотива, профессионально запечатленная на поверхности холста, в творчестве иных художников являясь самостоятельным видом творчества, Буторина не удовлетворяет относительной простотой творческого процесса. Его субъективные переживания от контакта с природой не ограничиваются созерцательностью форм, состояния и реальной декоративности свето-цветовых и пластических эффектов. Он воспринимает природу как тему для живописи рембрандтовской кисти с ее психологизмом, воплощенным в красоте красочного слоя.

Буторин в пейзажных картинах добивается поразительной правдивости природной сущности, создавая и у зрителя сложное ответное чувство, не определимое словами.

Буторин мастерски пишет тишину, в которую невольно вслушиваешься, вглядываясь в пространство изображенной природы, которое психологически шире и глубже картинной плоскости.

Особенной медитационностью обладают его сумеречные и ночные пейзажи, написанные памятью пронизательного созерцания и впечатления. Такие пейзажи, как «Скирды» 1982 г., «Ночь» 1987 г., «Песня сверчков» 1989 г., «В ночном саду» 1989 г., «Заросли облепихи» 1991 г., - это прекрасные образцы содержательности художественной формы, несущей в себе многовариантность природного бытия и полифоничность ее безмолвной музыки, возвышающей человека над суетой и возвращающей человека к чистоте и ясности его человеческого предназначения.

Эта глубина гуманистического содержания пейзажей Буторина адекватна живописной лепке и колористическому решению композиций.

Разумеется, процесс письма всегда импровизационен, но импровизация такого

deco-rativeness, plastic and light-color effects. He interprets nature as a theme for Rembrandt brush painting with its psychology converted in the beauty of paint coating.

In his landscapes Butorin achieves a striking resemblance of nature's essence creating canvases of high art culture thus provoking a viewer's complex feeling that couldn't be expressed in words.

Butorin depicts silence so skillfully that it can be listened to. Nature is psychologically wider and deeper than painting "plane".

His twilight and night landscapes are notable for their meditative qualities. Such landscapes as "Stacks", 1982, "The Night", 1987, "The Song of Crickets", 1989, "In the Night Garden", 1989, "Brush Woods of Sea Buckthorn", 1991 are fine samples of pithiness of the art form that express nature's existence and its diversity that rises man's vanity and returns him to a perception.

This depth of Butorin's landscape human context is adequate to the landscape modeling and to composition.

Process of writing is always improvised but improvisation of such professional level is a master's improvisation, who is a professional and has intellect and divine gift of endowing an image with a soul by every stroke of the brush.

In his landscapes and figurative paintings created in the sunlight Butorin rarely uses sharp light shadow contrasts. He prefers diffused light, calm rhythm of the subjects avoiding strained dramatic effect.

In his early landscapes "Yachts", 1964, "Yalta", 1964, "Seascape", 1964, drawn when he was a student, the artist depicted a midday sunny summer using a picturesque effect "of white on white" in contrast with bright colour spots achieving not only the precise image of reality but the young cheerful sounding.

уровня профессионализма - это импровизация мастера, свободно владеющего своим ремеслом и наделенного умом и божественным даром наделять душой художественный образ каждым движением кисти.

В пейзажных и фигуративных картинах, написанных в солнечном освещении, Буторин редко прибегает к резким светотеневым контрастам, предпочитая рассеянный свет, спокойную ритмику изображенных предметов, избегая напряженного драматизма.

Уже в ранних пейзажах («Яхты» 1964 г., «Ялта» 1964 г., «Морской пейзаж» 1964 г.), написанных в студенческие годы, художник смело решает задачу передачи полуденного солнечного лета, используя живописный эффект «белого на белом» в контрасте с яркими цветовыми пятнами, добиваясь не только точности в изображении реалий, но и молодой мажорности звучания картинного образа. В этих работах художник опирается на опыт французских и русских импрессионистов, проявляя при этом уверенность в самостоятельном видении природы и понимание изобразительных и выразительных возможностей чистого, звучного цвета, открытого импрессионистами для передачи свето-воздушной среды.

Однако в зрелом возрасте Буторину оказались ближе по мироощущению и творческим программам такие художники, как Сезанн, Суриков, Врубель, а иногда Борисов-Мусатов и петербургская школа «Мира искусств» с их изысканным эстетизмом. Теперь Буторину недостаточно виртуозно написать цветом свето-воздушную среду, он умеет видеть и передать еще и мощную пластику предмета (с особенной силой в горных пейзажах), целостность природы, ее таинственную

жизнь, а в смешанном жанре и человека в природе, где человек не «венец», а органическая часть.

Философичность его пейзажей и картин смешанного жанра нигде не идеологизирована. Он приемлет будни природы и человека с вдумчивой отвлеченностью отшельника, живущего в том же мире обыденности и вне его, спокойно принимая мир природы и простых людей такими, каковы они есть на самом деле. Это очень высоконравственный уровень видения жизненной правды и задач современного художника, убежденно стоящего на позициях классического реализма.

Одной из постоянных тем, проникновенно решенных Буториным, является тема человека в природе. Это и портреты на пейзажном фоне

In these works the artist was guided by the experience of French and Russian impressionists confident in an independent vision of nature and understanding of visual and expressive potentialities of clear sound colour discovered by the impressionists to convey light and air environment.

At a mature age by his world perception and creative programs he approached such artists as Sezanne, Surikov, Vrubel, sometimes Borisov-Musatov and Petersburg school "World of Art". Now it is not enough for Butorin to skilfully express light and air environment by colour, he can see and depict the powerful plastic quality of things (especially in mountain landscapes), the integrity of nature, its secret life, in a mixed genre where a man is not a "decoration" but an organic component.

The philosophy of his landscapes and painting of mixed genre has never been ideological. He accepts nature and man with the thoughtful abstractness of a hermit living in the common world and outside it, accepting nature and ordinary people as they are in real life. It is a high moral level of view to real life and tasks of a modern artist standing confidently on a classic realism.

One of the constant forms solved by Butorin is the issue of a man in the nature. These are portraits in landscape background and genre composition where primarily the labour of the villagers and their life were drawn.

и жанровые композиции, запечатлевшие быт и труд сельских жителей по преимуществу.

В «Портрете мальчика», 1969 г., Буторин соединяет портрет с пейзажем, создав образ сельского детства, протекающего на вольной природе. Безмятежное состояние души подростка сливается с пространством выжженной солнцем желтой степи, уходящей за горизонт, и летнего неба, занимающего треть картинной плоскости.

Мальчик изображен в фас, статично, что позволяет рассмотреть и его лицо, и чистенькую белую рубашку, оттеняющую загар.

В упрощенном композиционном и цветовом решении еще трудно предугадать, как будет эволюционировать эта тема в творчестве художника.

В картине «Сумерки», 1972 г., тема гармонического слияния человека с природой, в которой он живет, усложняется отказом художника от портретного позиирования персонажа,

хотя и здесь тема единства человека и природы решается упрощенной схемой: на первом плане - затененная камышовым навесом терраса, слева - прислонившаяся к косяку девушка, замершая в созерцании уходящей вдаль желтой степи с белым силуэтом лошади, чистое голубовато-изумрудное небо. Все здесь выверено математически точно - пропорциональные отношения фигуры, строения и пространства, цветонасыщенность и светотень планов, уводящих и взгляд зрителя в степные просторы.

Постепенно эта тема решается более динамично. Люди изображены в бытовой ситуации и в процессе труда («Кошара», 1974 г., «Охотники с беркутами, 1980 г., «Под навесом», 1981 г., «Вечер», 1981 г., «Карьер» 1983 г., «Сельский двор», 1995 г.). Разнообразнее становятся и композиционные построения картин, колорит и состояние природы, хотя предпочтение отдается лету и золотой осени и замедленным спокойным ритмам. В этой теме художник оказался способным решать сложные содержательные задачи, причем не повествовательным сюжетом, а ассоциативно. В этом цикле особое место по психологической наполненности и формальному совершенству занимает картина «Снова у родного очага», 1985 г., написанная к 40-летию Победы в Великой Отечественной войне.

В этой картине довольно большого формата (141x166 см) всю плоскость холста занимает степной пейзаж в наступающих сумерках и бездонное прозрачное небо, где сияет загоревшаяся одинокая звезда. Почти в центре композиции спиной к зрителю в отблесках

В "Portrait of the Boy", 1969, Butorin connected portrait with landscape and created an image of village childhood running in nature. The serene state of the teenager's soul is combined with the space of yellow steppe, burnt by the sun, which is passing to the horizon and summer sky occupies one third of the picture. The boy is drawn so that you can see his face, and his clean white shirt shading his sunburn.

It is difficult to predict through limited compositional and colour solution how this theme will be evolved in the works of the artist.

In the "Twilight", 1972, the theme of harmonious linkage of a man with nature, is complicated by the refusal of the artist from portraying a character even when there was a simple scheme of man's linkage with nature: in the front there is a shaded cane terrace; on the left there is a girl leaning against the door post, feeling cold, looking at the white horse; clear blue emerald sky in the distance. Everything is in proportion: Figures, buildings space color, saturation, light shadow of planes leading the viewer's glance to steppe.

Gradually this theme becomes more dynamic. People are drawn in life situations and at work ("Sheep-fold", 1974, "Hunters with Golden Eagles", 1980, "Under the Penthouse ", 1981, "Evening", 1981, "Quarry", 1983, "The Village Yard", 1995). Compositional structure of the paintings, color, state of nature becomes diverse though he prefers summer, golden autumn and quiet slow rhythm. The artist was able to solve more complex substantial tasks not only by a narrative plot but through association.

The painting 'Again at Home', 1985, drawn for the 40th anniversary of victory in World War II takes special place for its psychological fullness and formal perfection.

This painting is big (141x166 cm). The steppe is in twilight, there is a bottomless transparent sky, where a lonely star shines. A man dressed in the soviet soldier's uniform of the World War II times and a woman sit with their backs to the viewers, almost in the center, near the primitive fireplace the flame of which is a colorful and semantic tuning fork. Their small figures largely emphasize the immense surrounding space, drawn skillfully by modeling planes and organized integrity. The artist drew the scene of peace which came for the soldier only in his native land, from a high point of view, by cinematography device in some extent which allows to grasp and feel the greatness of the "moment of truth" extended in space and time.

Figures of the soldier who had seen the 4 year war and the woman had been waiting for him, worrying, being alone, exhausted of hard work are drawn together quietly They are staring at the flame of the fire. There are no

примитивного очага, живое пламя которого является колористическим и смысловым камертоном, сидят мужчина в форме

советского солдата времен Великой Отечественной войны и женщина. Их небольшие фигурки масштабно подчеркивают необъятность окружающего пространства, написанного живописно моделированными планами и тонально организованной цветностью. Художник изображает сцену мира, наступившего для солдата только в родном краю, с высокой точки зрения, несколько кинематографическим приемом, что позволяет охватить и прочувствовать величие протяженного в пространстве и времени «момента истины». Фигурки солдата, за плечами которого отгрохотала четырехлетняя война, и женщины, все эти годы ожидавшей его в тревоге, одиночестве и изнурительном неженском труде, изображены сидящими рядом, в молчании не отрывающих взгляда от пляшущего пламени костра. Ни жестов, ни слов. Тишина и покой. И кажется, что эхо войны наконец замерло и здесь, в глубоком тылу.

Л Картина написана психологически инициативно, без какого-либо развитого повествования, глубокая содержательность которой во всей полноте может быть понята только пережившим войну.

Состояние природы при переходе от сумерек к ночи мотив для живописцев далеко

не простой. Художник сумел передать прозрачность пространства сумеречной земли и неба и при этом сохранить тонкую цветность каждого мазка. Пространство написано цельно без применения линейной перспективы только живописными средствами. Прекрасная живопись, конструктивный рисунок, угадываемый за пластикой фигур и окружающих их предметов, подчинены гуманистическому содержанию.

К этой картине по теме примыкает картина «Отец солдата», 1990 г. На

gestures and words, only silence

and rest. It seems that the echo of war is frozen here, in the home front.

The painting was drawn psychologically associatively without any developed narration. The deep meaning can be understood by dedicated people as an ancient ideogram.

It is not simple to draw nature in transition from twilight to night. The artist was able to show the transparency of earth and the sky and to keep the thin color of every stroke. Space was drawn by one piece without line perspective only by landscape means. Fine painting, constructive drawing hidden under the plastic of figures and surrounding things are subject to human context.

The picture "Soldier's Father", 1990, belongs to this theme. An old man from the one of poor villages is sitting, leaning against the yurt. A plump, worn out bag is near his feet. The valley is at the bottom of the painting. The plot is based on associations putting questions, rather than giving answers.

The peaceful silence of 1945 after the world war which seemed to come for ever is in one picture. In another there is a lonely old man of the 1990's with anxious hope or hopeless hidden bitterness. The title of picture is interwoven with its plot in order to rule the spectator's imagination. The bright shade of nature and strained psychology of the old man are in disharmonic opposition, in unnatural state, explained by the sorrow of father that is difficult to be dispersed by any beauty. It seems that peaceful harmony of a man and nature is a very rare gift of fate and anxiety is a constant human lot.

Themes of revolution and civil war are found in Butorin's works, however, these themes turned out

for the author to be far, impersonal in respect of literary or legendary plots.

In the "Red Detachment", 1989, the history of ongoing event was considered alien, contemplative, without personal feelings. Riders with guns and red flag

возвышенном месте, прислонясь спиной к юрте, сидит старик, из бедных сельчан. Внизу панорама долины. Здесь сюжет тоже строится на ассоциациях, больше ставящих вопросы, чем отвечающих на них.

Мирная тишина сорок пятого года, наступившая казалось бы навсегда после всемирной бойни - в одной картине, в другой - одинокий старик в девяностом, в тревожной надежде или безнадежном ожесточении, ничем внешне не проявляемом. В последнем случае название картины вплетается в суть изображения, чтобы направить зрительское воображение в нужном для художника направлении. Светлое состояние природы и напряженный психологизм образа старика находятся в дисгармоничном противостоянии, противоестественность которого объясняется горем отцов, которое не развеять никакой красотой. И кажется, что мирная гармония человека и природы - редкий дар судьбы, а тревога - постоянный человеческий удел.

Тема революции и гражданской войны тоже нашла отражение в творчестве Буторина, однако эта тема оказалась для художника далекой, безличной, как литературный или легендарный сюжет.

В картине «Красный отряд», 1989 г., историзм происходящего события воспринят отстраненно, чисто умозрительно, без личного переживания. По болотистой серой равнине едут вооруженные винтовками всадники с красным знаменем. За ними - пологие зеленовато-коричневые горы, над которыми узкая полоса лилово-голубого неба.

Эта картина гармонично решена по цветовым и масштабным отношениям, природа и ее состояние переданы точно, всадники вписываются в среду безошибочно нарисованы, в живом ритме. Картина обладает несомненным эстетическим качеством, но в ней нет буторинской проникновенности, того мощного психологизма, который в целом определяет его творческую индивидуальность.

Что касается тематических композиций из жизни современного села, то все они написаны по личным впечатлениям реально наблюдаемых мотивов. Демократизм выбора сюжетов и характер их образного воплощения отличается безусловной эстетизацией. Для каждого сюжета художник находит эффектное композиционное и колористическое решение, при сильной цветовой доминанте тонкую согласованность с ней других цветов по светоносности, оправданной как состоянием природы, так и законами живописной гармонии.

Буторин является художником того редкого типа, для которого каждый живописный мазок при создании красочного слоя по цветовой

are moving in the grey valley Behind them there are gently sopping green-brown mountains, above them there is a narrow line of violet-blue sky.

This painting is harmonic in color and size proportions, nature and its state are conveyed exactly. The precisely drawn riders splendidly fit the environment. The painting has obvious aesthetic quality but there is not Butorin's insight or that powerful psychology that defines all his creative individuality. As for thematic compositions from life of a modern village, they are drawn under personal impression from the motifs observed Democracy of plot choice and character of their image personification differ by absolute aesthetics. For every plot the artist finds effective compositional and colourful solution. Strong colour dominant conforms to other colours by light justified by nature and also by laws of painting harmony.

Butorin is a rare artist, whose every picturesque stroke of brush by colour, light and texture, while creating colourful layer expresses his state of soul in the process of work and vision of integral image, reflecting external and inner reality of things drawn. Butorin seems to furcate, simultaneously being a composer and executor. This quality is seen in his compositions drawn from his imagination.

The passion of his soul, always hidden and controlled by will and intellect exists in such works as a source of inner light. This passion can't warm neither him nor people around. It is also abstract. It lacks the warmth of the light of stars and is excitingly high-flown. Exciting cold languor is sublimated in fantastic game of twinkling color spots brought together into depictions which are real and abstractly air-built at the same time.

In the paintings, where line ("Dan'ka in a Fancy Dress") is the base of the depiction, sharpness and mathematical coldness form music of abstraction like a sound of harpsichord in an icy emptiness of an invisible castle. In such works faces for our contemporaries are interpreted in a strange retrospective form as if you look at them from the future that can or cannot be religious belief in the immortality of the soul.

The light or dark scale of his realistic abstracts is equally fantastic and masterly, a polyphonic accompaniment to the theme coinciding with the integrity of complex context.

The 'Archaeologists', 1977, is one of such strange painting. The wide panorama of fantastic landscape with an ancient ruin or with weathered geological formations is interpreted as a part of the planet with vanished civilisation where people from other planets had flown. Figures of people are stretched like in El Greco's canvas. Archaeologists are standing as if facing an invisible colleague, fixing them together with landscapes on

насыщенности, светоносности и фактуре выражает и состояние души в процессе работы, и видение целостного образа, отражающего внешнюю и внутреннюю реальность изображаемого. Буторин как бы раздваивается, являясь одновременно композитором и исполнителем. Это свойство ярко проявляется в его сочинениях, целиком написанных по воображению

Страсть его души, всегда сдержанно затаенная и контролируемая волей и интеллектом, существует в таких работах как источник внутреннего света. Эта страсть не обладает свойством согреть ни его самого, ни рядом существующих людей, Она так же абстрактна и лишена тепла, как свет звезд, и так же волнующе возвышенна. Возвышенный холод духовного томления сублимируется у него в фантастическую игру мерцающих цветовых пятен, соединяющихся в изображения, одновременно реальные и абстрактно призрачные.

В тех живописных работах, где основой образного решения является линия («Данька в маскарадном костюме»), острота и математический холод рисунка образует музыку абстракции, звучащую клавишным в ледяной пустоте невидимого замка. В таких работах лица наших современников воспринимаются в странной ретроспекции, как будто всматриваешься в них из будущего далека, которое для нас может быть, а может и не быть даже в качестве религиозной веры в бессмертие души.

При этом светлая или темная гамма его реалистических абстракций одинаково фантастична и виртуозна по живописи, являясь своеобразным полифоническим аккомпанементом теме, соединяясь с ней в целостность сложного содержания.

«Археологи», 1977 г., - одна из таких странных картин. Широкая панорама фантастического ландшафта не то с древними руинами, не то с выветренными геологическими образованиями воспринимается как часть планеты с исчезнувшей цивилизацией, куда прилетели инопланетные исследователи.

Фигуры людей вытянуты как на полотнах Эль Греко. Археологи стоят, как бы позируя перед невидимым коллегой, фиксирующим их вместе с пейзажем на фото или киноплёнку. Всматриваясь в человеческие образы, узнаешь в них наших современников, естественно - землян, а в пейзаже - родную землю, но ощущение вневременной чуждости только усиливается от этого узнавания. Здесь проявилась способность Буторина смотреть на землю и людей со стороны, не участвуя в их жизни, оставаясь наблюдателем, сохраняющим дистанцию между тем,

photo or film. Looking at human faces you recognize contemporaries in them, people on the earth, and in the landscapes a native land, but an alien feeling becomes stronger from this recognition. Butorin's ability to look at earth and people as an observer, keeping distance between the object he looks at and his loneliness, becomes apparent. In a complex rhythm of brush strokes you feel anxiety, troubled mood that is interpreted as a confusion of spirit through statistics of figures and serenity of ruins. At this possesses power of polyphonic influence with the clear music of the author's intonation sounding as solo part. By secret ways of associations the painting takes imagination away to the furthest of mankind through ruins and skulls made by scientists into something illusory, twinkling in a sunlight as corporeal substance.

His Hamlet (painting "Hamlet", 1987) in comparison with archeologists seems closer to us through time and understandable psychologically, perhaps, thanks to rules of theater. The dramatic character is solved not as a historical one but as a Shakespeare's character. Though the Dutch prince descended in the medieval palace, he himself is interpreted as an actor in play and the interior as theatre decoration. Hamlet's image as a person who didn't accept meanness of his century is drawn in a deep pessimistic mood. The gloomy heaviness of the whole entourage is added to the gloomy concentration of the man with a hopeless alternative: "to be or not to be" - any choice is not the best. The tragedy is underlined by black gamut and such details as hanging hair, thin pale prince's face, his "musical" hands hanging from the armchair's elbow- rest... All solution is the artist's mono performance. Here he has many faces. He is an actor, scenario writer and, of course, an author of painting.

Romanticism is inherent to Butorin no less than sense of truth in realistic works created basing on real observations. Romanticism is in 'Archaeologist' somehow, "Hamlet" but revelation is felt in the paintings - "Masquerade of Children" 1978, "Boy's Portrait", 1982. All these works were done with different compositional building and landscape perfection. Some of them have etude character, but in each work the artist creates the world of specific beauty, clearness and dramatism, a delicate world of protection and defencelessness, illusory independence and real dependence upon adult's world that can have influence on "happy future" of children that can be sometimes cruel. Dark coloristic gamut (as in "Masquerade of Children") or cold sharpness of line abstraction (as "Dan'ka in a Fancy Dress"), or some any figurative method brings an echo of vibration somewhere in the distance, uncertain trouble to the romantically high and secret image of childhood. Incompleteness in this case serves as a powerful means of emotional

во что он пристально всматривается, и своим одиночеством. В сложном ритме нанесенных мазков ощущается тревожное, беспокойное настроение, что при статичности фигур и безмятежности руин воспринимается как духовное смятение; все это в комплексе обладает силой полифонического воздействия, где солирующей партией звучит чистая мелодия авторской интонации. По таинственным путям ассоциаций образ картины уводит воображение в далекое прошлое человечества, по руинам и черепкам оживляемое учеными в нечто призрачное, мерцающее в солнечном свете бесплотной субстанцией.

Его Гамлет (картина «Гамлет») в сравнении с археологами кажется ближе к нам по времени и понятнее психологически, возможно, благодаря театральной условности. Хрестоматийный драматургический образ и решен не как исторический, а шекспировский персонаж. И хотя принц датский изображен в интерьере средневекового дворца, он сам воспринимается как актер в роли, а интерьер - как театральная декорация. Образ Гамлета, не принявшего подлость своего времени, решен в глубокой пессимистической тональности,

чему подчинены и мрачная тяжеловесность всего антуража, и угрюмая сосредоточенность человека на беспросветной альтернативе: «быть или не быть» - любой выбор не лучший. Состояние трагизма подчеркнуто черной гаммой и такими деталями, как поникшие волосы, худое бледное лицо принца, его свисающие с подлокотника кресла «музыкальные» кисти рук. Все решение - как моноспектакль художника, он здесь выступает многолико - и как актер, и как сценограф, и, разумеется как автор живописной композиции.

Романтизм присущ Буторину не меньше, чем острое чувство правды в реалистических работах, написанных на основе реальных наблюдений. Романтизмом овеяны и «Археологи», и, в какой-то степени, «Гамлет», но откровеннее проявляется в картинах с детской тематикой - «Маскарад детей», 1978 г., «Портрет мальчика», 1982 г. Все эти произведения написаны с разной степенью совершенства, некоторые носят этюдный характер, однако в каждой работе художник создает особый мир своеобразной красоты, чистоты и драматизма, мир хрупкий, живущий на грани защищенности и беззащитности, иллюзорной независимости и реальной зависимости от мира взрослых, от которого «прекрасное далеко» детей может быть жестоким, темная колористическая гамма (как в «Маскараде детей») или холодная

saturation of the artistic image.

Girls' images of Butorin are romantically secret. It's a girl's world of intimate secrets, sad dreams in twilight and silence, world of "silver century" poetry, romance, novels in French and walks in the parks of nobility county estates. Romantic fantasy of Butorin carries nostalgia for Russian nobility culture, Russia, Petersburg, Russian painting. This "nostalgia" in "Evening walk", 1985, sounds as unrealised dream to meet the ideal of woman's beauty in Pushkin's or Turgenev's times. The compositional landscape, its mild and at the same time classic strict lines, minor music stressed by the coming invisible twilight, "tapestry" or Borisov's or Musatov's restraint of colouring - everything is associated obtrusively with Russian painting and literary culture in its refined aristocratic variant as something that had gone away forever.

In the "Girls in front of mirror", 1982, modern girls are drawn in romantic halo of mystery. In semi-darkness of the room 2 girls are sitting stone-still. The first girl's front was drawn, you see the second girl side - view Space that is always independent in Butorin's work and connected with people through miasms of suffering is drawn by hints for reality, enough to awake the fantasy and sagacious vision of spectators. An almost square format of canvas, a twilight environment, statue figures in combination with light twinkles from invisible source on the mirror, color and faces and with self-valuable picturesque and color harmony create an inner strained life full of unspoken secret

острота линейной абстракции (как в «Даньке в маскарадном костюме»), или еще какой-либо изобразительный прием привносит в образ детства, романтически приподнятый и таинственный, эхо звучащей где-то в отдалении неопределенной тревоги. Недосказанность в данном случае служит мощнейшим средством эмоциональной насыщенности художественного образа.

Романтически таинственно звучат и девичьи образы Буторина. Это - девичий мир интимных секретов, грустных мечтаний в сумерках и тишине, мир поэзии «серебряного века», романсов, романов на французском языке и прогулок в парках дворянских усадеб. Романтические фантазии Буторина носят в себе ностальгию по русской дворянской культуре, по России, по Петербургу, по русской живописи. Эта ностальгия в картине «Вечерняя прогулка», 1985 г., звучит как несбывшаяся мечта о встрече с идеалом женской красоты пушкинской или тургеневской поры. Характер композиционного пейзажа, его мягкие и в то же время классически строгие линии, минорная музыкальность которых подчеркнута состоянием наступающих прозрачных сумерек, «гобеленная» или борисово-мусатовская сдержанность колорита - все это ненавязчиво ассоциируется с русской живописной и литературной культурой в ее изысканно аристократическом варианте как нечто, ушедшее навсегда.

В картине «Девушки у зеркала», 1982, современные девушки изображены тоже в романтическом ореоле таинственности. В полумраке комнаты и неподвижно сидят две девушки, одна в фас, другая в профиль. Пространство, которое всегда у Буторина обладает самостоятельным бытием, связанным однако с живущими в нем людьми миазмами сопереживания, написано намеками на реалии, достаточными, чтобы пробудить фантазию и прозорливое видение зрителя. Почти квадратный формат полотна, сумеречная среда, статуарность фигур в сочетании с отблесками света из невидимого источника на зеркале, цветах и лицах и с самоценной живописной и цветовой гармонией создают внутреннюю напряженную жизнь, полную невысказанной тайны.

В какой-то степени обобщающим полотном, где соединились романтические устремления Буторина, является картина «Цыганки», 1997 г.

В «Портрете девушки», 1997 г., цыганская тема, весьма далекая от реальности, как, впрочем, и все девичьи образы Буторина, решается через живописные ассоциации и традиционную для русской

Somehow the painting "Gipsy Women", 1997 is a generalized canvas, where Butorin's aspirations were linked.

In the "Girl's portrait", 1997, the gipsy theme that is rather far from reality as all girl's images of Butorin are solved through picturesque associations and Romanticism of the gipsy theme in Russian classical literature was interpreted as an issue of social freedom and spiritual emancipation in conditions of Russian reality. "Girl's Portrait" by picturesque beauty reminds Vrubel's canvases, who contributed this theme and Romanticism in general.

As for the "Gipsy Women", this big format canvas contained every Russian's man dream about free expression of "uncontrollable "ego", squeezed by everyday condition of decent existence and the ability of thinking figuratively and feeling at last the power of his landscape skills.

During his creative trips in Central Asia, Kazakhstan and mainly in Kyrgyzstan Butorin drew everything that impressed him greatly.

Butorin fully and variously showed Kyrgyzstan, where he spent all his life, knowing it and feeling it as a native land. All realistic spirit of his landscapes is connected with the Kyrgyz themes. He keeps being surprised by the beauty of the Kyrgyz nature. He shows life of ordinary Kyrgyz people with sympathy and understanding, considering them as a "saint truth" full of spiritual clearness, considering as nature, everything that can be made esthetically by means without telling lies.

In Kazakhstan he drew nature, in Uzbekistan - people.

If his passion to describe real life is satisfied in Kyrgyzstan and Kazakhstan, then Uzbekistan pleases him by romanticism.

классической литературы романтизацию цыганщины, которая в условиях российской действительности воспринималась как тема социальной свободы и духовной раскрепощенности. «Портрет девушки» по своей живописной красоте напоминает полотна Врубеля, также отдавшего дань и этой теме и романтизму вообще.

Что касается картины «Цыганки», то это довольно крупномасштабное для Буторина полотно соединило в себе и мечту каждого русского человека о свободном проявлении своего «необузданного я», зажатого повседневной условностью приличного существования, и способность образно мыслить и чувствовать, и, наконец, силу своего живописного мастерства.

Во время творческих поездок по Средней Азии, Казахстану и, главным образом, по Киргизии, Буторин запечатлевал в живописи и рисунке то, что производило на него сильное впечатление.

Наиболее полно и разнообразно Буторин отразил в своем творчестве Киргизию, где он живет почти всю жизнь, знает и чувствует как родину. Вся реалистическая струя его живописи связана с киргизской тематикой. Он не устает удивляться красотой киргизской природы, с большой симпатией и пониманием отражает жизнь простых киргизов, считая их такой же исполненной духовной чистоты святой истиной, как и природу, то есть то, что можно эстетизировать художественными средствами, не кривя душой.

В Казахстане он запечатлевал главным образом природу, а в Узбекистане - людей.

И если Киргизия и Казахстан удовлетворяют его страсть к правдивому отражению жизни, то Узбекистан тешит его романтизм.

В самаркандском цикле его рисунков (карандаш, тушь, мокрый соус) энергичными линиями переданы не только живые облики конкретных людей с их индивидуальными чертами, но и ослепительность солнечного света, и знойная неподвижность воздуха. Все рисунки кажутся незаконченными из-за композиционной фрагментарности и лаконичности моделирующих средств, но сила впечатления от зафиксированного момента жизни людей под солнцем такова, что ничего больше в зарисовках и не требуется. Эти зарисовки свидетельствуют об остроте видения художника и характере его выбора мотивов. Позже самаркандские впечатления синтезировались и вылились в картину «Мусульманки».

In Samarkand a series of his paintings (pen, Indian ink, wet sauce) alive concrete people with their individual features are reproduced together with blinding sun light, and the heated immobility of air.

All paintings seem to be unfinished through compositional fragmentariness and pithiness of modeling means, but the force of impression from fixed people's life moment is like that. Nothing more in sketches is required. These sketches prove the sharp vision of the artist and his choice of motifs. Later Samarkand impressions were synthesized in the painting "Moslem Women".

Two women sculpturally draped with fabric are coming down the stairs through arch aperture. Even real observations of Samarkand, like the old district of Osh, make in the plot. The level of plastic generalization looks as if the whole is interpreted in fine retrospection as an image of Central Asia, invariable from the Middle Ages or from ancient times.

Romantically accepted exotic character as well as realistic nature sketches is the glance of aesthete, who chooses freely for his works only themes close to his spirit, preferring secrets to simple solutions.

All paintings and drawings of Butorin: landscapes, portraits, thematic paintings are drawn on the basis of observations, and differ by imagination, aristocracy, taste, selection of the theme and manner of interpretation. There is no contradiction with the realistic orientation of the artist. The theme of "an ordinary man" connected with the theme of nature as themes of childhood,

and romantic dreams carry the clearness and sincerity of humanity apparent nowadays during "cool" anti-bourgeoisie monopoly of the society.

The themes of people, nature, dreams and spiritual culture as well as the honesty of the artist who doesn't accept that everything is impossible to be made aesthetic, sounds unexpectedly with force of divine opposition to the evil nympholepsy.

O. Popova

Translated by A. Aitbaeva

Две женщины, скульптурно задрапированные в ткани, спускаются по лестнице сквозь арочный проем. И хотя в основе сюжета лежат реальные наблюдения не только в Самарканде, но и в старых кварталах Оша, здесь уровень пластического обобщения таков, что в целом воспринимается во временной ретроспекции, как образ Средней Азии, неизменный со средневековья или даже с глубочайшей древности. Романтически воспринятая экзотика как и реалистические натурные зарисовки - это взгляд эстета, свободно выбирающего для своего

творчества только темы, близкие своей душе, и предпочитающего тайны их однозначным разгадкам.

Все картины и рисунки Буторина, будь то пейзажи, портреты, тематические картины, написанные по живым наблюдениям и по воображению, отличается аристократизм вкуса и в выборе тем и в характере их трактовки. И здесь нет противоречия с реалистической ориентацией художника. Тема «простого человека», связанная с темой природы, как и темы детства и романтической мечты, несут в себе чистоту и искренность гуманизма, особенно отчетливо проявившуюся в наши дни «крутого» обуржуазивания общества.

Темы народа, природы, мечты и духовной интеллигентности, как и честность художника, не приемлющего то, что невозможно эстетизировать, неожиданно зазвучали с силой божественного противостояния дьявольским наваждениям.

О. Попова.

«Зимний этюд»
1954, картон, масло, 20x30 см

"Winter sketch"
1954, oil on cardboard, 20x30 cm

«Алупка»
1963, картон, масло, 50x55 см

"Alupka"
1963, oil on cardboard, 50x55 cm

«В Крыму»
1997, картон, масло, 50x60 см

"In Crimea"
1997, oil on cardboard, 50x60 cm

«Набережная Ялты»
1962, картон, масло, 51x61 см

"Embankment of Yalta"
1962, oil on cardboard, 51x61 cm

«Яхт-клуб. Финский залив»
1962, картон, масло, 50x73 см

"Yacht-club. Finland Bay"
1962,oil on cardboard, 50x73 cm

«Сад зимой»
1985, холст, масло, 100x100 см

"The winter garden"
1985, oil on canvas, 100x100 cm

«Крымский пейзаж»
1965, холст, масло, 100x100 см

"Crimean landscape"
1963, oil on canvas, 100x100 cm

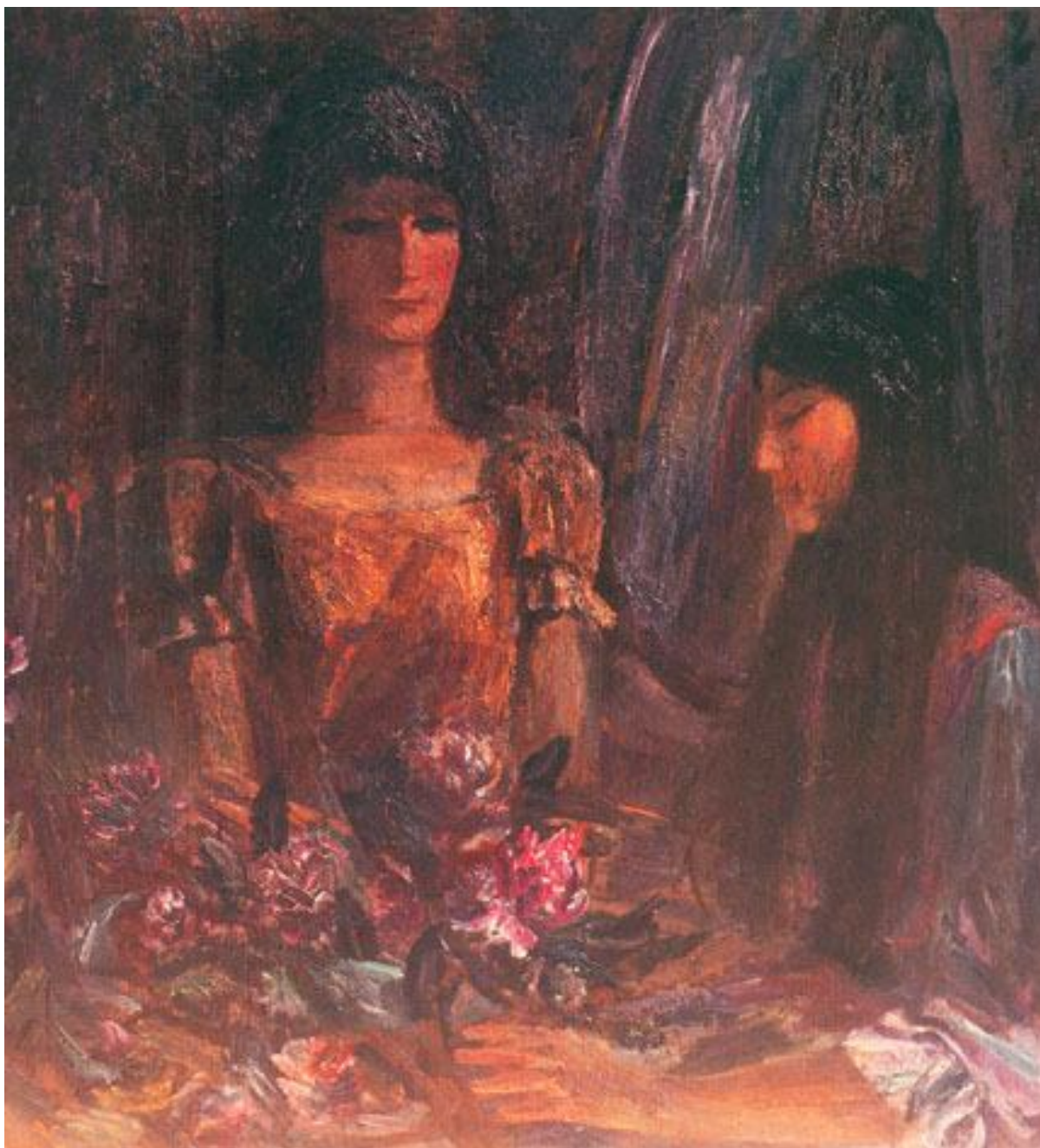
«Данька в маскарадном костюме»
1986, холст, масло, 81x69 см

"Dan'ka in masquerade costume"
1986, oil on canvas, 81x69 cm

«Гамлет»
1987, холст, масло, 139,5x114,2 см

"Hamlet"
1987, oil on canvas, 1395x1142 cm

«Девушки у зеркала»
1982, холст, масло, 104х99,5 см

"The girls at the mirror"
1982, oil on canvas, 104x99.5 cm

«Девочка с куклой»
1998, холст, масло, 81x75,5 см

"The girl with the doll"
1998, oil on canvas, 81x755 cm

«Девушка в черной шляпе»
1997, картон, масло, 40x50 см

"The girl in a black hat"
1991, oil on cardboard, 40x50 cm

«Портрет девушки»
1998, холст, масло, 60x50 см

"The portrait of the girl"
1998, oil on canvas, 60x50 cm

«Лунная дорога»
1983 холст, масло, 60x60 см

"Moonlight road"
1983, oil on canvas, 60x60

«Горный пейзаж»
1995, картон, масло, 50x70 см

"Mountainous landscape"
1995, oil on cardboard, 50x70 cm

«Девушка в шляпе»
1990, холст, масло, 90x80 см

"The girl in a hat"
1990, oil on canvas, 90x80 cm

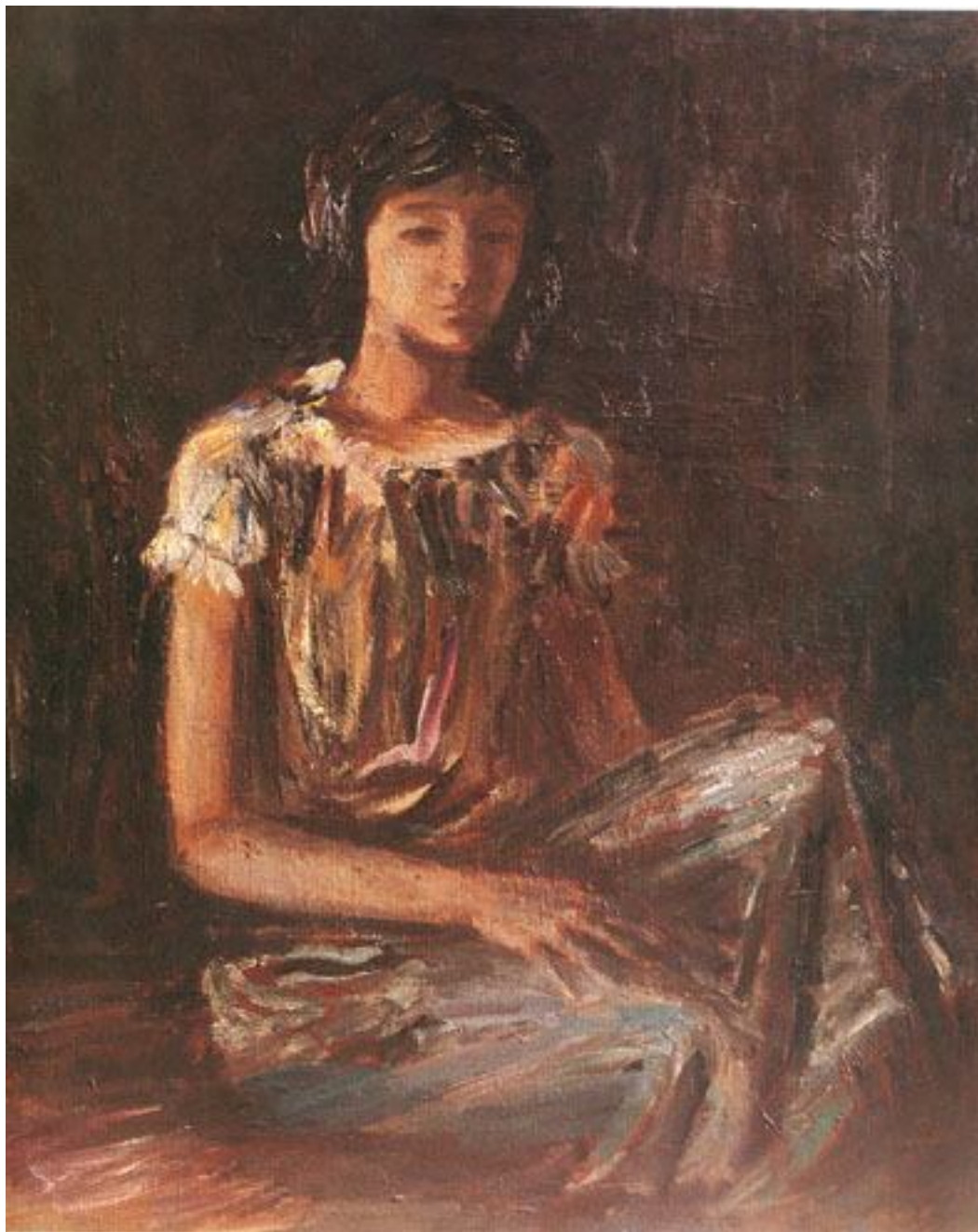
«Девочка в голубом»
1997, холст, масло, 70x60 см

"The girl in blue"
1997, oil on canvas, 70x60 cm

«Мальчик с клеткой»
1977, холст, масло, 97,7x76,8 см

"The boy with the cage"
1977; oil on canvas, 97-7x76.8 cm

«Портрет девочки»
1985, холст, масло, 120x100 см

"The portrait of the girl"
1985, oil on canvas, 120x100 cm

«Чабан»
1988, холст, масло, 70x60 см

"Shepherd"
1988, oil on canvas, 70x60 cm

«У кошары»
1997, холст, масло, 50x65 см

"At the stable"
1997, oil on canvas, 50x65 cm

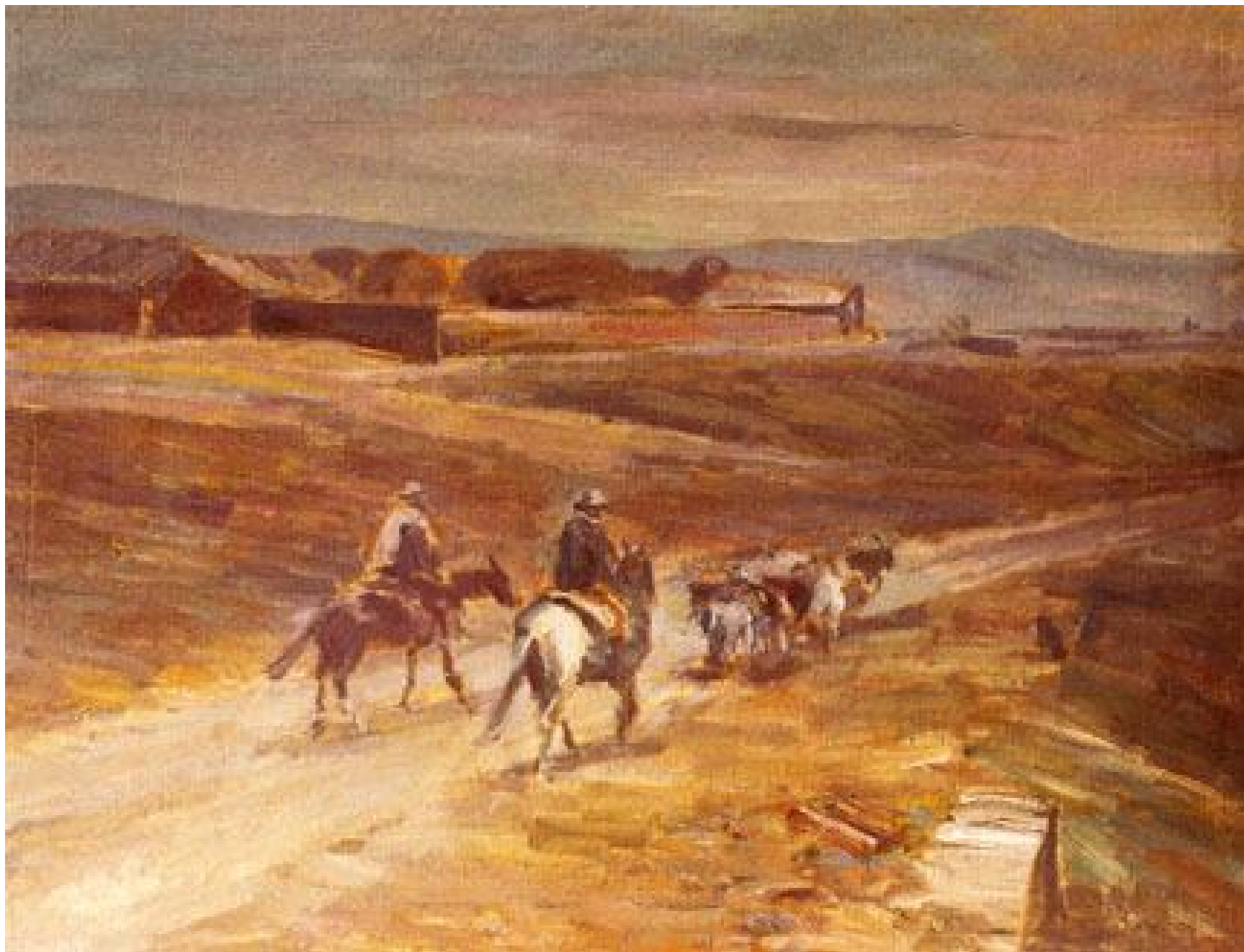
«Сарай с козой»
1997, картон, масло, 50x55 см

"The shed and a goat"
1991, oil on cardboard, 50x55 cm

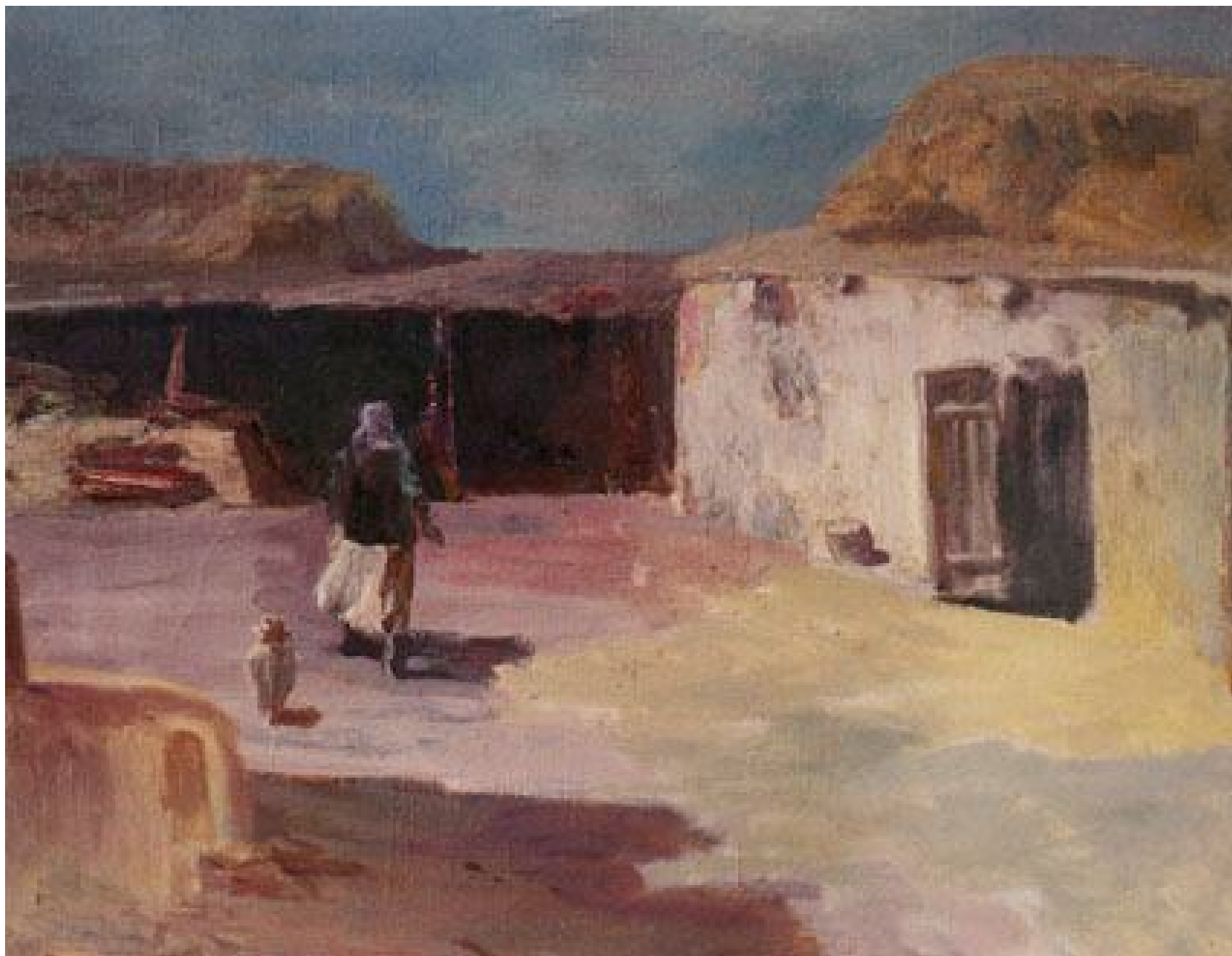
«Солнечные блики»
1998, холст, масло, 100x100 см

"Sunny patches of light"
1998, oil on canvas, 100x100 cm

«Вечер»
1984, холст, масло, 97,8x109,2 см

"Evening"
1984, oil on canvas, 97-8x1092 cm

«Солнечный двор»
1995, холст, масло, 88,5x98,6 см

"Sunny yard"
1995, oil on canvas, 885x98.6 cm

«Танец цыганских детей»
1981, холст, масло, 80х90 см

"Dancing Gipsy children"
1981, oil on canvas, 80x90 cm

«Крик фазана»
1997, холст, масло, 50x65 см

"Pheasant screaming"
1991, oil on canvas, 50x65 cm

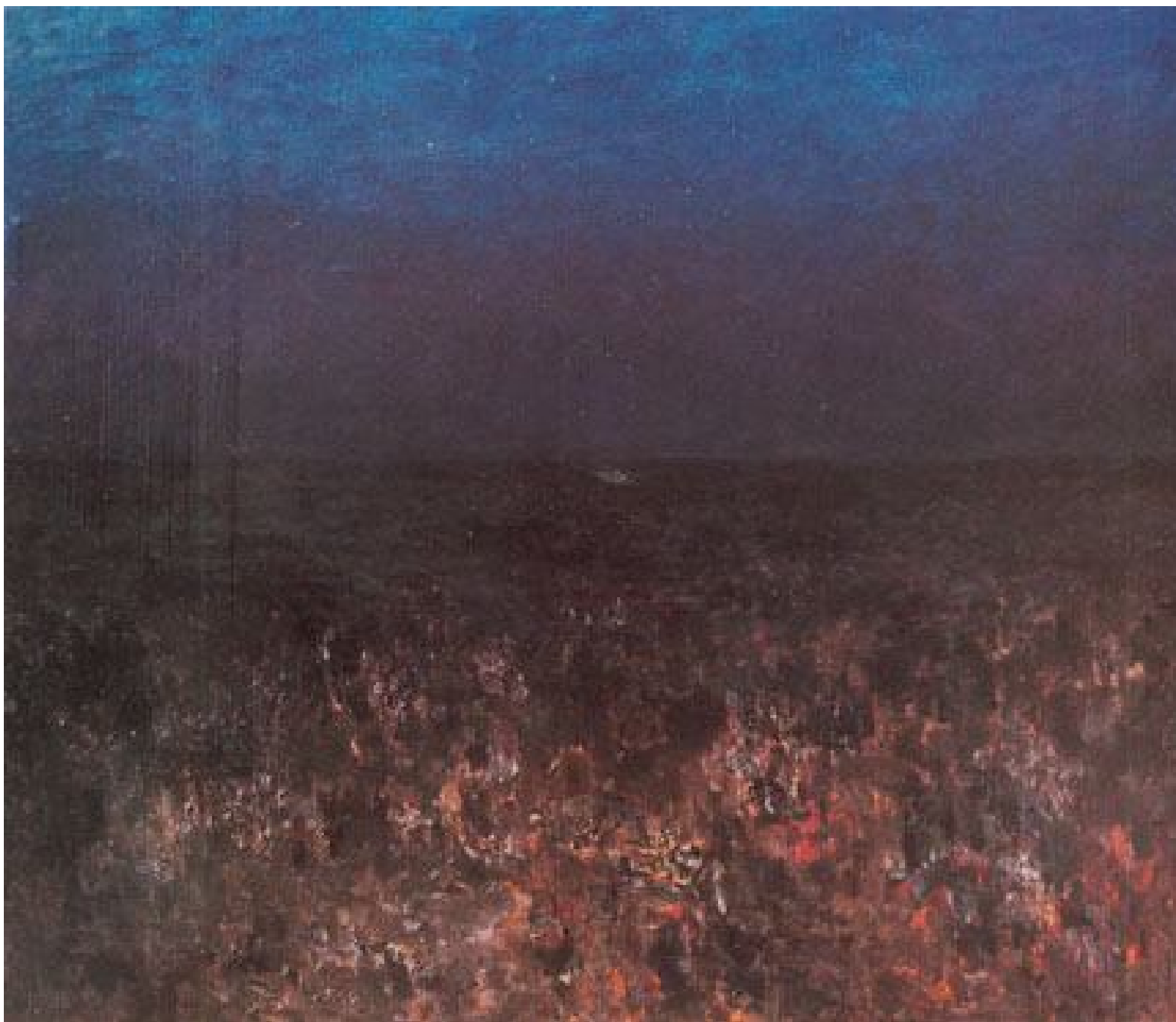
«Ночь»
1987, холст, масло, 118x148,5 см

"Night"
1987, oil on canvas, 118x1485 cm

«Снова у родного очага»
1985, холст, масло, 141x166 см

"Again at the home fireside"
1985, oil on canvas, 141x166 cm

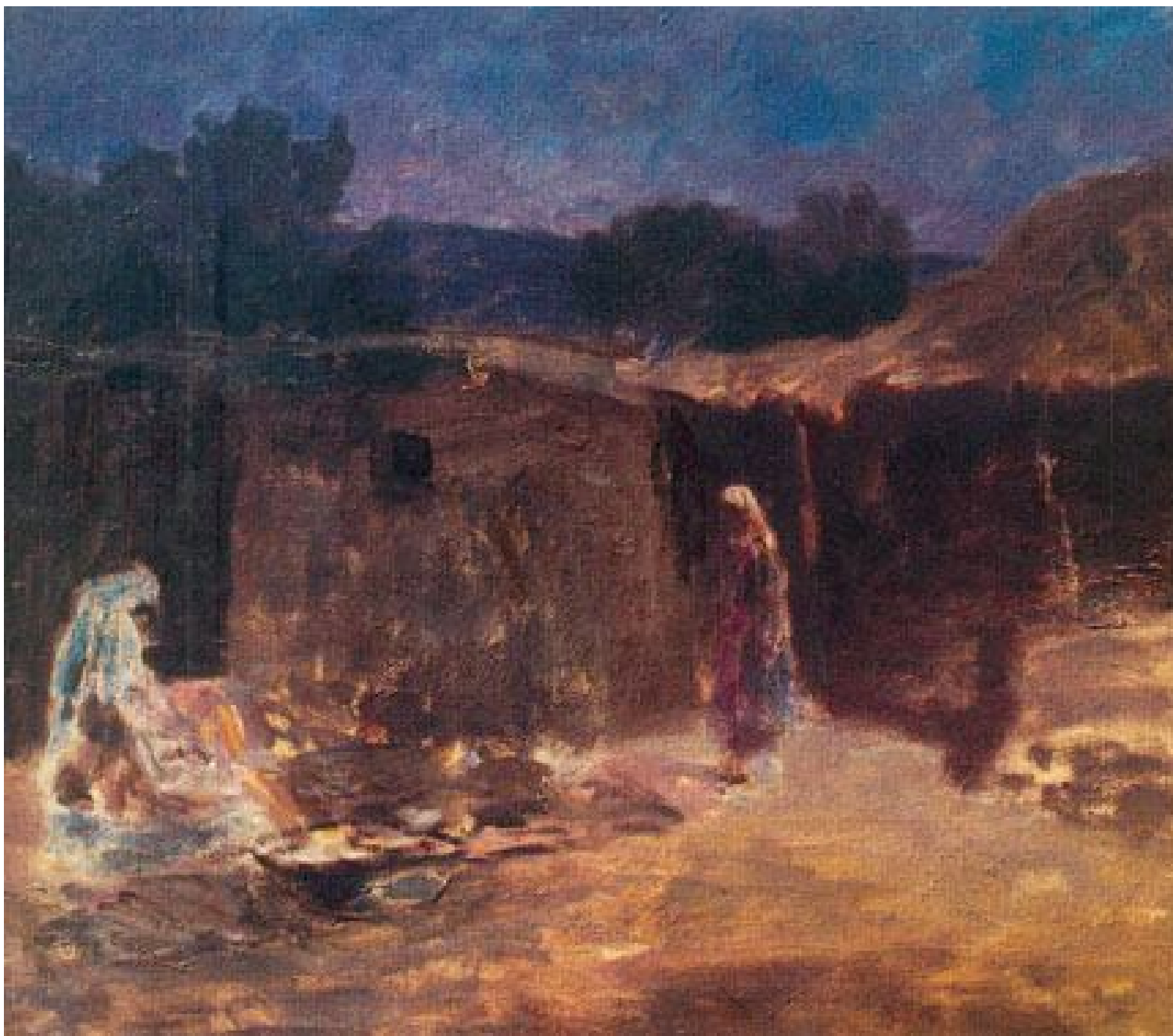
«Песня сверчков»
1989, холст, масло, 139x159,5 см

"The song of the crickets"
1989, oil on canvas, 139x1595 cm

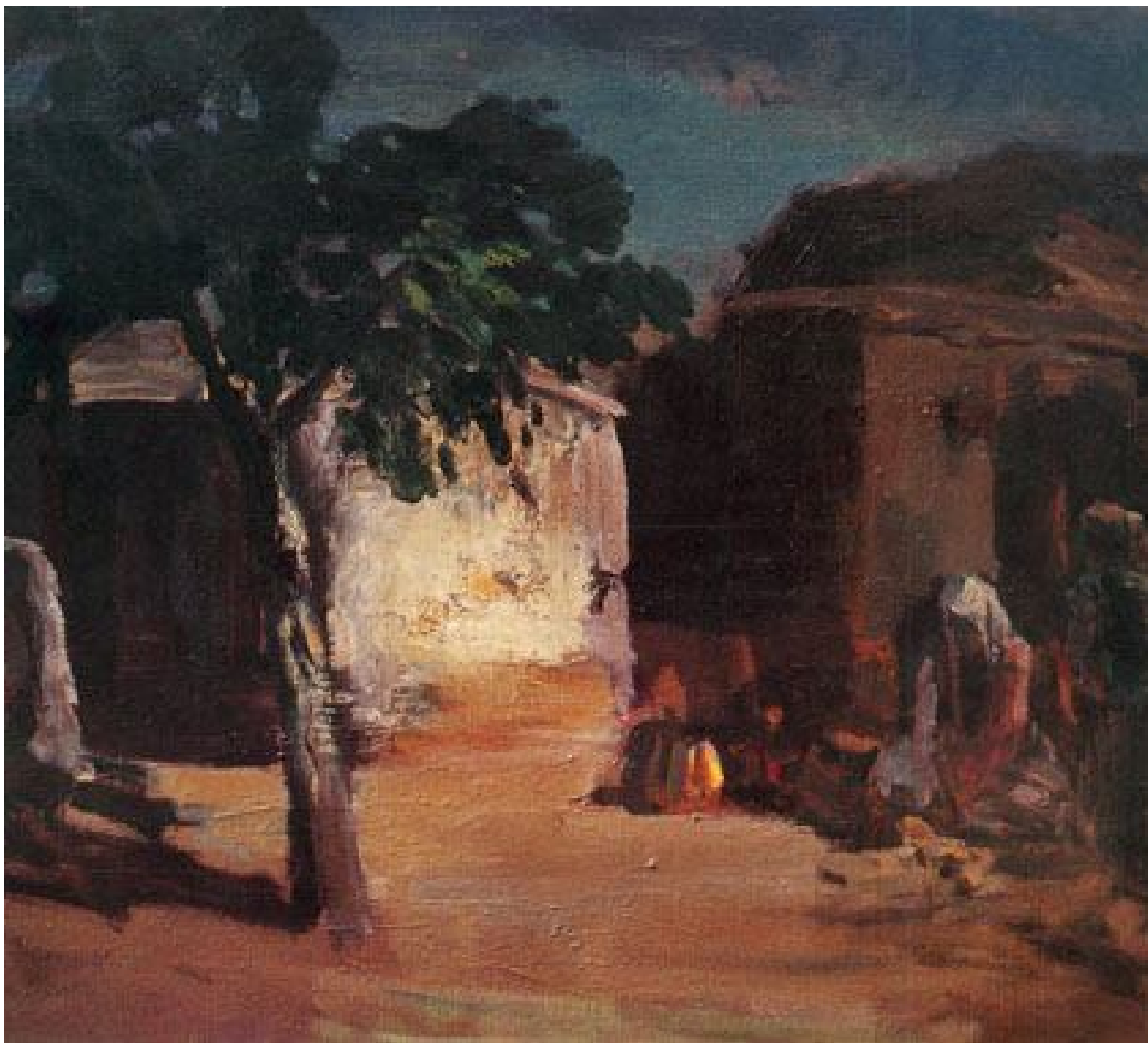
«Два верблюда»
1989, холст, масло, 119x149 см

"Two camels"
1989, oil on canvas, 119x149 cm

«Бабушка с внучкой»
1997, холст, масло, 66,5x80 см

"Grandmother and her granddaughter"
1991, oil on canvas, 66.5x80 cm

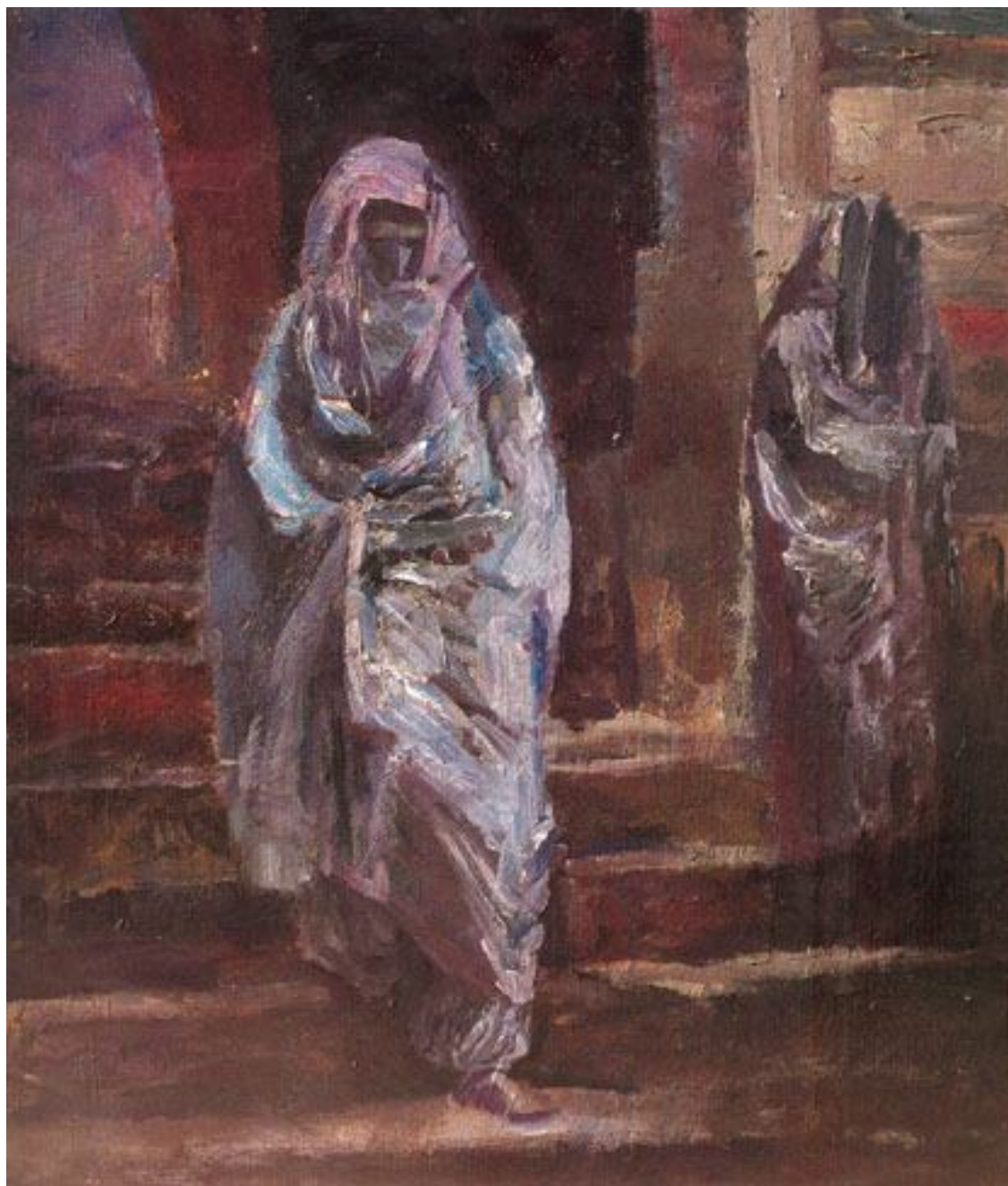
«Сельский дворик»
1997, холст, масло, 70,5x79,5 см

"Village yard"
1997, oil on canvas, 705x795 cm

«В Самарканде»
1998, холст, масло, 70x80 см

"In Samarkand"
1998, oil on canvas, 70x80 cm

«Мусульманки»
1990, холст, масло, 79,5x70 см

"Muslim women"
1990, oil on canvas, 795x70 cm

«Танец»
1987, холст, масло, 120x120 см

"The Dance"
1987, oil canvas, 120x120 cm

«Цыганки»
1998, холст, масло, 115x135 см

"Gipsy women"
1998, oil on canvas, 115x135 cm

«Ночной букет»
1995, холст, масло, 70x80 см

"Night flowers"
1995, oil on canvas, 70x80 cm

«Цветы в кувшине»
1990, холст, масло, 79x50 см

"Flowers in the Jug"
1990, oil on canvas, 79x50 cm

«Старый парк»
1997, холст, масло, 70x80 см

"The old park"
1997, oil on canvas, 70x80 cm

«Осенняя яблоня»
1997, картон, масло, 50x55 см

"Autumnal apple tree"
1991, oil on cardboard, 50x55 cm

«Лошадки»
1997, холст, масло, 30x40 см

"Little horses"
1997, oil on canvas, 30x40 cm

«После дождя»
1980, холст, масло, 65x80 см

"After the rain"
1980, oil on canvas, 65x80 cm

«Раскаленные скалы»
1985, холст, масло, 90x100 см

"Scorching Rocks"
1985, oil on canvas, 90x100 cm

«Горы в Кок-Мойноке»
1998, холст, масло, 60x72 см

"Mountains in Kok-Moinok"
1998, oil on canvas, 60x72 cm

«Моросящий дождь»
1988, холст, масло, 120x107 см

"Drizzling rain"
1988, oil on canvas, 120x107 cm

«Заросли облепихи»
1991, холст, масло, 91,5x112 см

"Brushwood of sea-buckthorn"
1991, oil on canvas, 91-5x112 cm

«Черные горы»
1995, картон, масло, 55x71 см

"Black mountains"
1995, oil on cardboard, 55x71 cm

«Лунная ночь»
1998, холст, масло, 50x70 см

"Moonlight night"
1998, oil canvas, 50x70 cm

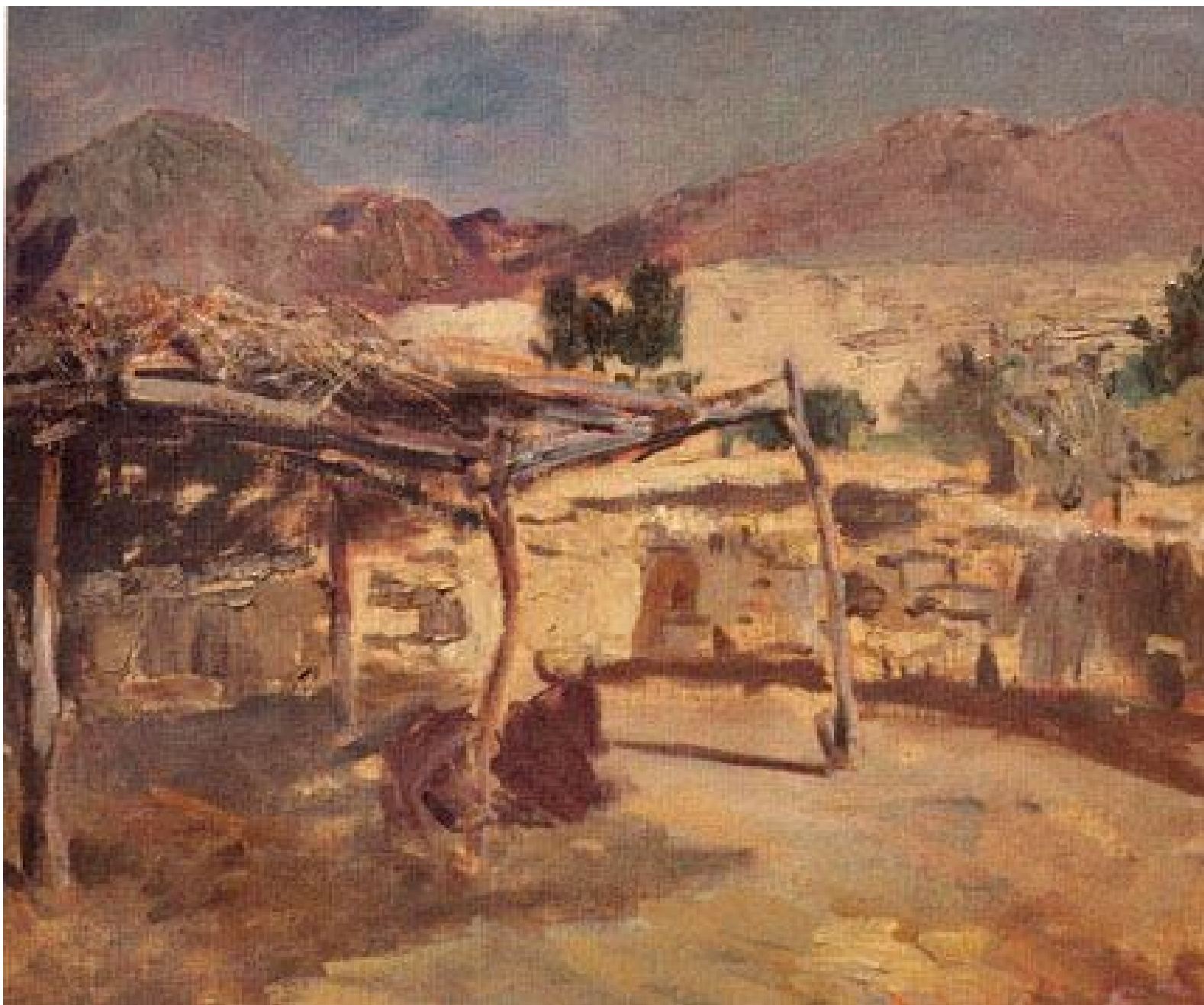
«Полдень»
1996, холст, масло, 50x65 см

"Midday"
1996, oil canvas, 50x65 cm

«Пейзаж с обрывом»
1996, холст, масло, 555x70 см

"Landscape with the precipice"
1996, oil on canvas, 555x70 cm

«Лежащая корова»
1998, холст, масло, 60x72 см

"Lying cow"
1998, oil on canvas, 60x72 cm

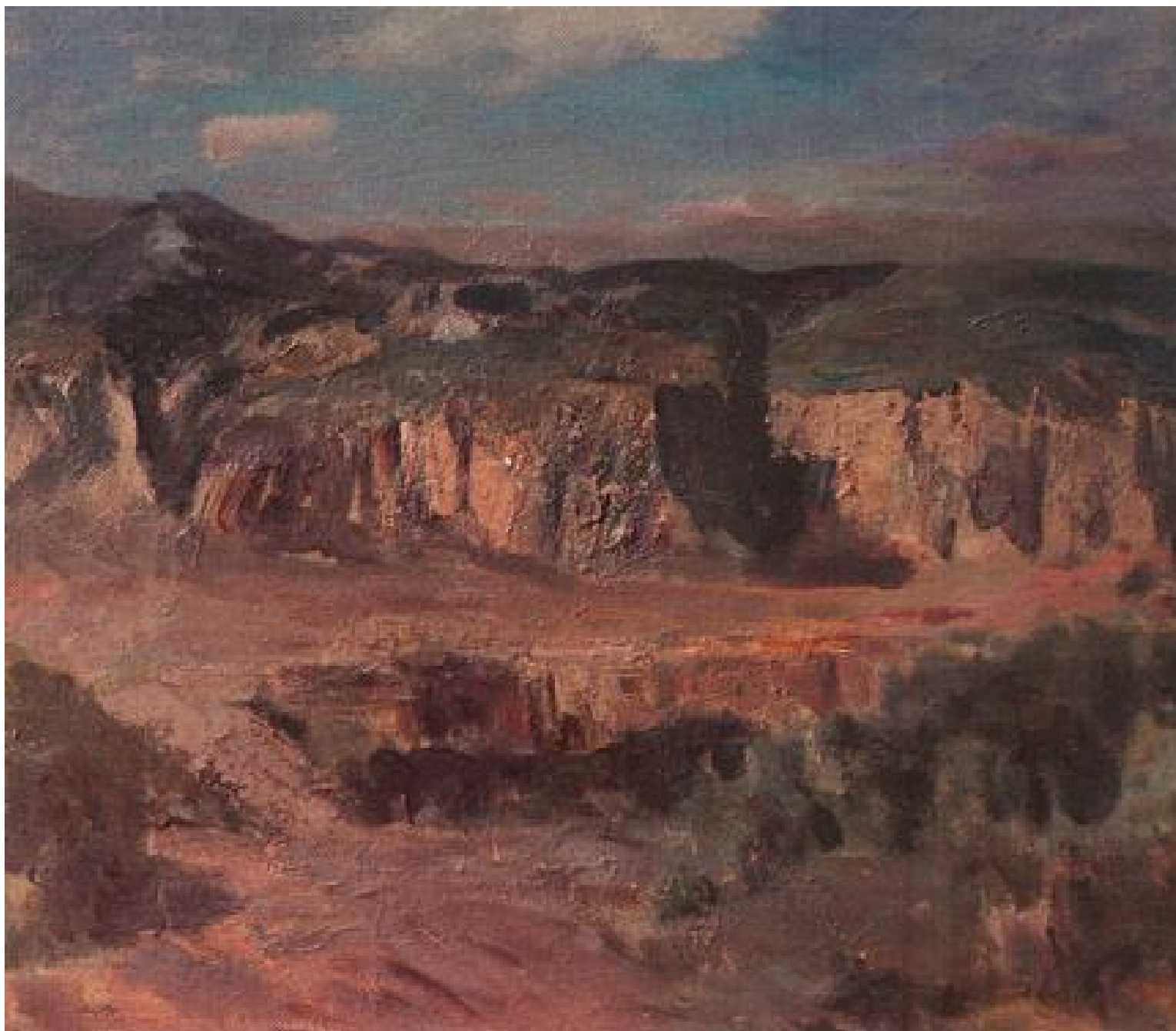
«Осенний пейзаж»
1996, холст, масло, 50x60 см

"Autumnal Landscape"
1996, oil on canvas, 50x60 cm

«Кошара в горах»
1997, холст, масло, 50х 60 см

"Sheep-fold in the mountains"
1997, oil on canvas, 50x 60 cm

«Глинистые холмы»
1997, холст, масло, 60x70 см

"Clayey knolls"
1997, oil on canvas, 60x70 cm

«Закат в горах»
1996, холст, масло, 55х66 см

"Sunset in the mountains"
1996, oil on canvas, 55x66 cm

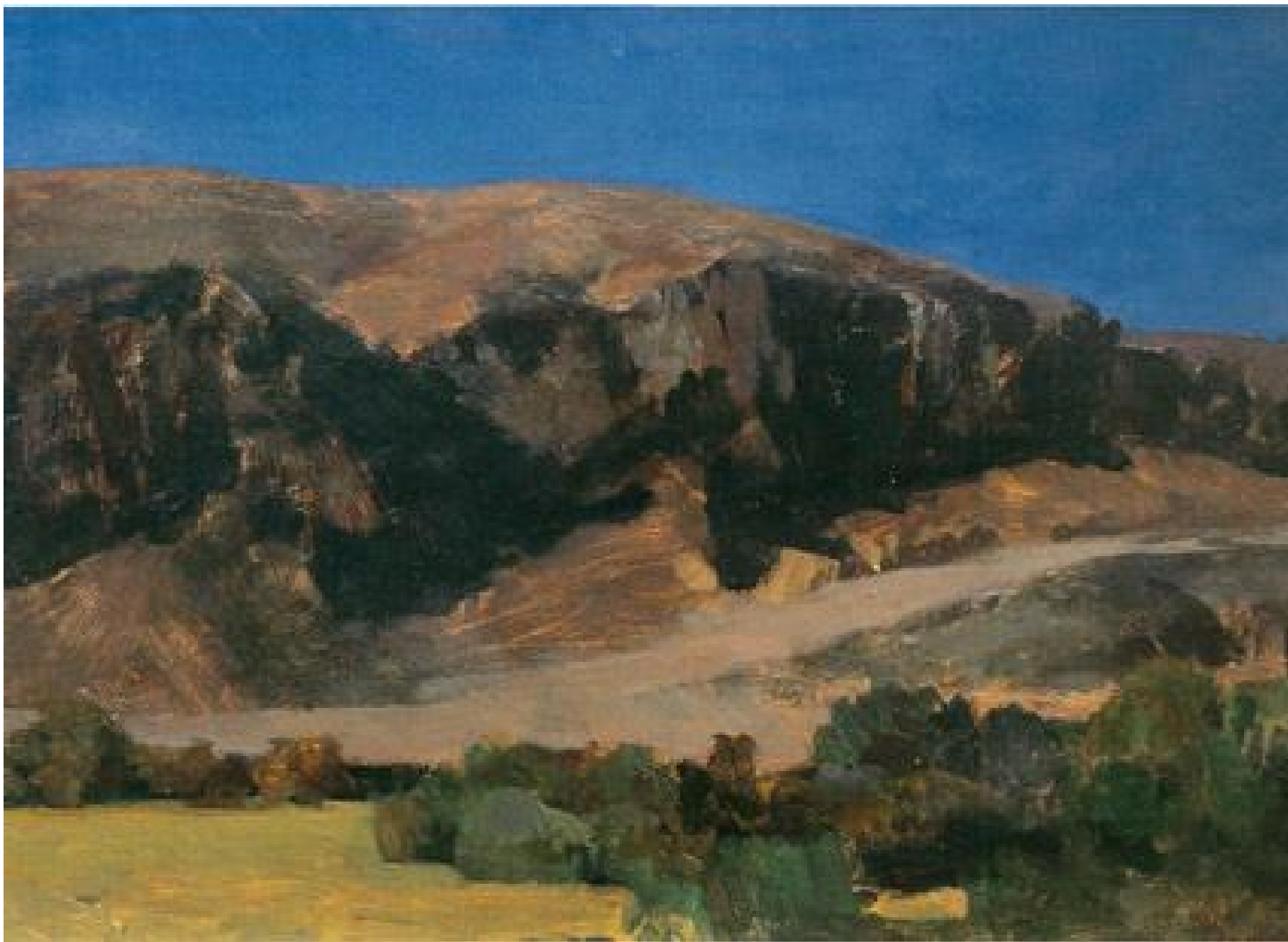
«Кок-Мойнок. Утро»
1998, холст, масло, 60x72 см

"Kok-Moinok. Morning"
1998, oil on canvas, 60x12 cm

«Черные горы»
1996, холст, масло, 60x80 см

"Black mountains"
1996, oil on canvas, 60x80 cm

«Дорога в горах»
1995, холст, масло, 50x70 см

"The road in the mountains"
1995, oil on canvas, 50x70 cm

«Кусты и лужа»
1998, холст, масло, 60x70 см

"Bushes and a puddle"
1998, oil on canvas, 60x10 cm

«Светлая ночь»
1997, холст, масло, 45x60 см

"Moonlight night"
1997, oil on canvas, 45x60 cm

«Пруд»
1997, холст, масло, 100x110 см

"The pond"
1997, oil on canvas, 100x110 cm

«Осень в карагачах»
1997, холст, масло, 70x85 см

'Autumn in the Black Forest'
1997, oil on canvas, 70x85 cm

«Романтический пейзаж»
1985, холст, масло, 110x130 см

"Romantic landscape"
1985, oil on canvas, 110x130 cm

«Сверкающие скалы»
1989, холст, масло, 89,7х99,5 см

"Sparkling rocks"
1989, oil on canvas, 897x995 cm

«Низовья реки Чу»
1985, холст, масло, 100x120 см

"The Lower Chu-river"
1985, oil on canvas, 100x120 cm

«Скирды»
1990, холст, масло, 77x107 см

"Stacks"
1990, oil on canvas, 77x107 cm

«В айиле»
1997, холст, масло, 50x65 см

"In a village"
1997, oil on canvas, 50x65 cm

«Горы»
1997, картон, масло, 50x70 см

"Mountains"
1997, oil on cardboard, 50x70 cm

«Кошары в степи»
1996, холст, масло, 54x80 см

"The stables in the steppe"
1996, oil on canvas, 54x80 cm

«Жара»
1997, холст, масло, 60x60 см

"Heat"
1991, oil on canvas, 60x60 cm